

Н. В. Менькова

Диминутивы как средство языковой игры

Статья посвящена языковой игре, построенной на диминутивных формах имен. В статье поставлена задача определить широту возможностей игры диминутивами и описать языковые механизмы ее действия. Отмечается, что языковая игра строится на сближении двух языковых выражений и затрагивает обе стороны языковых знаков – и форму и содержание. Говорится о трех видах формального сходства – внешнем тождестве двух форм, их частичном совпадении и ассоциативном притягивании не совпадающих по форме языковых выражений. Кроме того, в основе ЯИ диминутивами может лежать прием деструкции диминутивной формы. Игра диминутивами, как и языковая игра в целом, может осуществляться на разных уровнях языка, хотя возможности каждого из уровней неодинаковы. Наибольшими возможностями для ЯИ диминутивами располагают словообразовательный и синтаксический уровни. Отмечается, что многообразными могут быть проявления языковой игры на коммуникативно-прагматическом уровне, приводится пример гендерного обыгрывания диминутивов. Обыгрываться может и закрепленность диминутивных форм за семейно-бытовой сферой речевой коммуникации, которая накладывает серьезные ограничения на способность диминутивных форм использоваться в иных типах дискурса, в частности, приписанных нарративному режиму речи. В заключение делается вывод о том, что диминутивы обладают всей полнотой возможностей языковой игры и широко используются говорящими в разных типах игрового дискурса.

Ключевые слова: диминутив, языковая игра, уровни языка, фатическая функция, нарратив.

N. V. Menkova

Diminutives as a Means of a Language Play

The article is devoted to the language play built on diminutive forms of names. The task of the article is to determine the breadth of opportunities of playing on diminutives and to describe the language mechanisms of its action. It is noted that playing on diminutives is based on the convergence of the two speech units and affects both sides of a sign – the form and the content. Three types of formal similarity – external identity of two speech units, their partial coincidence and associative attraction of those which not coincide in form can take place. Playing on diminutives can be based on destruction of a diminutive form. As well as language play in general, it can be performed at different levels of language, although the possibilities of each of the levels are unequal. The best opportunities for it have a word-formation and syntactic levels. Its pragmatic manifestations can also be diverse (the example of a gender playing is given). Adherence of the diminutive forms to the domestic sphere of speech communication, where they are normally used in a phatic function, imposes serious restrictions on the ability of diminutive forms to be used in those types of discourse which are attributed to the narrative mode of speech and this may also become a basis for language playing. It is concluded that diminutive forms have all opportunities of language playing and are widely used in various types of speakers playing discourse.

Keywords: diminutive, language play, levels of the language, phatic function, narrative mode (regeme) of speech.

Языковая игра (далее ЯИ) предоставляет носителям языка широкое поле лингвокреативной деятельности. Ее можно наблюдать в разных видах устного и письменного дискурса – в языке СМИ и рекламы, в повседневной бытовой речи, в художественном тексте. Как уже неоднократно было сказано и продемонстрировано в лингвистических работах, объектом ЯИ могут становиться единицы всех уровней языка и осуществляться она может также на всех уровнях языка [3; 9]). В предлагаемой вниманию статье объектом наблюдения станет ЯИ, построенная на диминутивных формах имен, которые, в силу своей принадлежности разговорно-бытовой речи, до сих пор остаются малоизученным явлением языка. Цель данной работы состоит в том, чтобы продемонстрировать игровые возможности димину-

тивных форм и описать языковые механизмы игры диминутивами.

ЯИ строится, как известно, на сближении двух языковых выражений (в терминологии В. С. Виноградова *стимуляторы* и *результанты* см. [2, с. 73]) и затрагивает обе стороны языковых знаков – и форму и содержание. Схожесть формы двух языковых выражений ведет к столкновению их значений, которое на фоне имеющихся у высказывания презумпций порождает новый, парадоксальный, имеющий комический эффект смысл, запланированный говорящим, но неожиданный для собеседника (эффект обманутого ожидания).

Сближающиеся по форме языковые выражения могут обнаруживать разную степень формального сходства – от внешнего тождества двух

форм, далее их частичного совпадения и до ассоциативного притягивания не совпадающих по форме языковых выражений.

ЯИ на основе внешнего тождества двух форм – омонимии – является самым наглядным проявлением ЯИ. Так, в диалогической реплике (юмористическая телепередача «Самый веселый концерт» на канале ТВЦ) *Она обиделась на меня, а я ей говорю: – Ну, Женя, Женечка, Женю-у-ушь!* – Я согласна вокативная форма диминутива с нулевым окончанием, судя по содержанию ответной реплики диалога, апеллирует к омонимичной ей форме глагола будущего времени с прагматикой обещания, которая в коммуникативно-речевой ситуации ссоры-обида предстает как форма обещания-утешения. Комический эффект возникает за счет презумпций, имеющих у высказывания и связанных с психологическими страхами многих представителей мужского пола перед вступлением в брак.

Формальное совпадение языковых выражений может быть частичным, когда омонимичными оказываются созвучные финалы сближаемых в игре форм, на чем строится поэтическая рифма. ЯИ на основе рифмы широко эксплуатируется в разных видах рекламы; ср. рифмованный слоган в рекламе театрального представления театра кошек Юрия Куклачева: *Эти киски – большие артистки*; или шутивная номинация представительниц модельного агентства (мода для полных) *модельки-иксэльки* (= *XLки*).

ЯИ может строиться и на таком частичном совпадении языковых выражений, когда тождественной оказывается их левая часть. В этом случае в ЯИ участвуют диминутивная форма имени и ее исходная номинация, которые оказываются противопоставленными друг другу. При этом наблюдается нарушение обычного для неигрового дискурса семантического соотношения между членами словообразовательной пары за счет того, что диминутивная и исходная номинации апеллируют к разным значениям исходного многозначного слова. Ср. каламбурную реплику – закадровый комментарий к документальному фильму о космической экспедиции американских астронавтов на Луну: *Этот маленький шажок для человека – огромный шаг для человечества*, где диминутивная форма *шажок* является производной от слова *шаг* в его основном, прямом значении (= ‘Одно движение ногой вперед, назад или в сторону...’ – [6, с. 696]), тогда как исходная номинация *шаг* в заявленном игровом контексте реализует свое переносное значе-

ние – ‘перен. Развитие, движение чего-л. (обычно в сторону улучшения, совершенствования), степень, этап в развитии чего-л.’ ([6, с. 697]). При этом значение малого размера, передаваемое диминутивным суффиксом, задает противительные отношения между членами словообразовательной пары, которые поддерживаются лексически – антонимами с размерным (количественным) значением *маленький шажок – огромный шаг, для человека – для человечества*, – что заставляет видеть в исходной номинации *шаг* аугментатив и прочитывать ее с иным лексическим значением.

Сближение языковых выражений в ЯИ может осуществляться и в более изощренном виде – как ассоциативное притягивание языковых выражений, не имеющих внешнего сходства. Примером такого притягивания может служить использование диминутивных форм на текстовом уровне – в анафорических цепочках при повторной номинации объекта. Ср. контекст, в котором в ЯИ участвуют члены анафорической пары, связанные отношениями «часть – целое»: *Весь зал обернулся на звук, да так и замер, околдованный чудесным зрелищем... – Вот он, наш герой! – звонко воскликнуло чудесное видение. И порывисто, цокая каблучками, влетело в зал* (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса). ЯИ в данном случае строится на несоответствии значений грамматического рода и семантического пола у членов анафорического отношения – в лексическом значении анафорической диминутивной номинации *каблучками*, обозначающей предмет одежды, имеется (как мы попытались показать в [8, с. 97]) сема женскости, не соответствующая грамматическому среднему роду antecedента *видение*.

Помимо сближения языковых выражений, в основе ЯИ диминутивами может лежать прием деструкции диминутивной формы. Ср., например, реплику персонажа Леонида Куравлева в известном ироническом теледетективе «Ищите женщину»: детектив ведет расследование и записывает в блокнот характеристику фигурантки, данную другим персонажем, проговаривая диминутивную форму при цитировании по слогам: (женский персонаж) – *Его жанр – цыпочки вроде Виржинии Ренуар...* (мужской персонаж, записывает в блокнот) – *Виржиния Ренуар – цы-по-чка!*, где деструкция диминутивной формы осуществляется путем ее послогового прочтения, что приводит к утрате диминутивом, исходно представляющим собой ироническую номинацию девушки, присущего ему оценочного значения и направляет ироническую модальность высказывания с объекта оце-

ночной номинации (*Виржиния Ренуар*) на ее автора (женской реплики).

О деструкции диминутивной формы можно говорить и в случае деформации фразеологических оборотов путем замены диминутивной формы на исходную номинацию. Ср., например, игровую деформацию фразеологизма (*быть*) как *огурчик* в следующих контекстах: *Раньше, когда был молодым и горячим, бывало, приходилось не спать по двое, а то и по трое суток, и ничего – всегда как огурец!* (НКРЯ – [Андрей Житков. Супермаркет (2000)]); *Чтоб завтра был у меня как огурец* (НКРЯ – [Виктор Пелевин. Чапаев и пустота (1996)]). Замена диминутивной формы на исходное языковое выражение не ведет, однако, к разрушению фразеологизма (что ожидалось бы в соответствии со свойством их цельнооформленности), но меняет эмоциональную тональность высказывания на фамильярно-грубоватую. Деформация фразеологизма может идти и в обратном направлении, когда исходная недиминутивная номинация заменяется на диминутив, что также сопровождается сдвигами в модусе высказывания; ср. ироническую модальность, возникающую в высказывании при появлении диминутивной формы: (реплика персонажа фильма) *У него кишка, может быть, и тонка, а цэрэушники на этом собачку съели*.

Игра диминутивами, так же как и ЯИ в целом, может осуществляться на разных уровнях языка, но возможности каждого из уровней оказываются неодинаковыми. Меньшими возможностями обладает в этом отношении *фонетический уровень* как уровень досемантический, хотя и на фонетическом уровне ЯИ диминутивами возможна; ср. приведенный выше пример фонетической деструкции диминутива *цы-по-чка*. Наибольшими же возможностями для ЯИ диминутивами располагают словообразовательный и синтаксический уровни.

На *словообразовательном уровне* обыгрыванию может подвергаться внутренняя форма имени, исходно имеющего нечленимую основу, путем вычленения в его морфемной структуре суффикса субъективной оценки с присущим ему значением, которое ведет к игровому осмыслению оставшейся части слова. Например, в шуточной загадке *Вопрос: что такое “копчик”? Ответ: это маленький-маленький американский полицейский* (пример из работы [4]) вычленение в слове *копчик* суффикса *-чик-* заставляет увидеть в качестве его производящей основы экзотизм-американизм *коп*, который в силу своей семанти-

ки – обозначает «серьезное» лицо (мужского пола) «серьезной» профессии – не приемлет значения малой размерности, передаваемого суффиксом, что в конечном итоге и порождает ироническую модальность.

При ЯИ может эксплуатироваться также словообразовательная модель, по которой строится диминутив. Так, в шутовом высказывании: *Вчера в России уже появилась шутка: «Япончик надоел американчикам»* (НКРЯ – [Андрей РОДКИН, Владимир ВОРСОВИН. Япончик будет перестукиваться с Ходорковским? // Комсомольская правда, 2004.07.14]) имеет место столкновение двух диминутивных форм мужских этнонимов, вторая из которых словообразовательно уподоблена первой (построена по той же модели) и, как следствие, наследует ее оценочные презумпции, на чем и строится ЯИ. А именно: форма *американчикам* получает ироническое прочтение под влиянием исходной формы *Япончик*, которая, в свою очередь, представляет собой ироническую номинацию. Ироническая модальность высказывания создается не только за счет значения малой размерности, которое отчетливо прочитывается во внутренней форме этнонима *Япончик* и которое плохо сочетается со значением мужскости, но и (даже в большей степени) за счет того, что этноним *Япончик* представляет собой имя собственное – кличку криминального авторитета, что сообщает высказыванию соответствующие оценочные презумпции и позволяет говорящему откликнуться, что называется, на политическую злобу дня.

Словообразовательная игра диминутивами может состоять в использовании для словопроизводства диминутивного суффикса, приписанного к иному словообразовательному типу. В результате возникают слова-окказионализмы. Ср. примеры из работы [5, с. 189]: *Ну и коченюшка* (о холоде; ср. глагол *коченеть*); *Это вот ничего// Так/ развлекушечка*, где к глагольным основам (*коченеть*, *развлекаться*) прибавляется уменьшительно-ласкательный суффикс *-ушк-(-ушеч-к-)*, характерный для именных, но не для глагольных основ.

На *морфологическом уровне* в ЯИ диминутивами могут быть вовлечены, например, относительные прилагательные, которые, как известно, не имеют форм субъективной оценки, но, вопреки запретам языковой системы, в игровых высказываниях способны присоединять уменьшительно-ласкательные суффиксы, так же как это делают качественные прилагательные. Ср.: (реплики

персонажей из телесериала «Тайны следствия») – *Марья Сергеевна... ручками своими белыми про-токольчик написала. – А дельце уголовенькое куда дела?* Или: название юмористической миниатюры в телепередаче П. Стоянова и И. Олейникова «Городок» – «Сказка об аленьком цветочке и волшебненьком зеркальце». Появление подобных форм в шуточных высказываниях обычно происходит в виде семантического согласования на фоне других (субстантивных) диминутивных форм. Образование запрещенных морфологической системой языка форм ярко демонстрирует высказываемую во многих лингвистических работах мысль о том, что ЯИ всегда строится на нарушении языковых норм.

ЯИ диминутивами проявляет себя и на уровне синтаксиса. Обыгрываться может, например, построение однородного ряда за счет включения в его состав сразу нескольких членов одной словообразовательной парадигмы с вариантными уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые выстраиваются в градационный ряд, возглавляемый исходной номинацией. Ср. ряд с размерной градацией: *Вокруг глухие леса, множество рек, речек, речушек, озера и озерца, набитые рыбой и утками, пасущимися по камышам* (В. Тендряков, «Онега»); а также ряд с оценочной градацией: (диалогическая реплика из песни В. Высоцкого «Про черта (1965)»): *Слушай, черт, чертяка, чертик, чертушка, / Сядь со мной, я очень буду рад...*

ЯИ диминутивами может строиться на различиях в синтаксических функциях диминутивной формы в сталкиваемых контекстах. Ср., например, реплики шуточного диалога в рекламном телеролике, представляющем аппарат для изменения голоса – голосоменялку, где противопоставляются вокативное и предикатное употребление диминутива: героиня телеролика звонит по телефону и на свое приветствие, обращенное к анимационному персонажу, получает такой ответ: – *Привет, зайка! – Я не зайка, я бурбундучок.* Диминутив *зайка* в первой реплике употреблен как ласковая зооморфная форма обращения, широко используемая в домашней коммуникации для выражения интимно-ласкового отношения говорящего к собеседнику, но в ответной реплике как фатическое средство остается не воспринятым персонажем, который понимает диминутивную форму как производную от имени в прямом значении *зайка* < *заяц*, о чем свидетельствует ее предикатное употребление в конструкции противопоставления. Так, метаморфозы голоса полу-

чают таксономические проекции в языке. Игнорирование собеседником фатической направленности вокатива *зайка* приводит участников речи к коммуникативному провалу, в данном случае запланированному в игровых целях и свидетельствующему, как минимум, о коммуникативной неискушенности собеседника и даже больше – недостатке у него чувства юмора.

Многообразными могут быть проявления ЯИ на коммуникативно-прагматическом уровне. Обыгрываться может, например, гендерный аспект функционирования диминутивов. Так, в реплике от первого лица *Чует мое сердечко, это бы нам пригодилось*, вложенной в уста мужского персонажа фильма, обыгрывается сема женскости, развивающаяся у диминутивной формы соматизма *сердечко* (см. об этом [8, с. 96–97]). Кроме того, говорящий рассчитывает и на шлейф культурных ассоциаций, которые тянутся за концептом *сердечко*, устойчиво связанным в народно-поэтической речи с женским началом; ср., например, народную – женскую – песню: *То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит, То мое, мое сердечко стонет, Как осенний лист дрожит...*

Как известно, диминутивные формы закреплены в первую очередь за семейно-бытовой сферой речевой коммуникации, где они обычно используются в фатической функции, то есть не для выражения оценочного отношения к объекту номинации, но для выражения доброжелательного отношения говорящего к собеседнику. Это обстоятельство накладывает серьезные ограничения на способность диминутивных форм использоваться в тех типах дискурса, которые приписаны нарративному режиму речи, когда говорящий и слушающий (пишущий – читающий) не находятся в отношениях прямого коммуникативного контакта, но значительно отдалены друг от друга в акте коммуникации. Ср. шуточное высказывание, имитирующее новостной текст СМИ, в котором омонимические связи исходного языкового выражения служат толчком для последующей пословной замены всех имеющихся в высказывании именных выражений на их диминутивные производные (нанизывание диминутивов), что приводит к нарушению норм словоупотребления, действующих для данного жанра публицистической речи, что в конечном итоге и создает комический эффект: *Новости космонавтики. Наши космонавтики, Крикалев и Джанибеков, полетели к звездочкам на комическом кораблике. Счастливенького им полетика!* (см. [Смешная кни-

га: Колюх Федоров и не только. – Театр «Квартет И». – М.: Аст, Москва, 2009. – С. 196].

Как отмечается в работе Н. А. Николиной, Е. А. Агеевой [11, с. 553], «языковая игра становится в известной степени знаком определенной коммуникативной ситуации – ситуации принужденного общения». Принужденность межличностной коммуникации позволяет говорящему вовлекать в ЯИ собеседника, а последнему подключаться к ЯИ и тем самым создавать определенную эмоциональную атмосферу общения; ср. две реплики диалога, обе содержащие диминутивные формы, когда собеседник подхватывает диминутивную форму речи, заданную говорящим, а соответственно, и ее эмоциональную тональность: – *Ты не представляешь, повторял он, я час назад столкнулся с Бяльским, вчера чуть не попал под машину Игоря Маркова, а минут сорок назад встретил мамину подругу, о которой думал, что она уже умерла. Сейчас вот ты, как огурчик... – С помидорчиком!* (НКРЯ – [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)]).

ЯИ диминутивами обычно наблюдается в иронических высказываниях. Вербализованную иронию и ЯИ сближает в первую очередь установка на иное прочтение языкового выражения на фоне имеющихся у высказывания презумпций – в случае иронии обязательно с противоположным оценочным знаком, что и отличает ее от ЯИ. Ирония говорящего может быть направлена в том числе и на самого себя. Ср. высказывание с модальностью самоиронии во второй реплике шуточного диалога, где обе стороны коммуникации настроены на ЯИ: (мужской персонаж, обращаясь к девушке) – *Ну что, вас сегодня только шесть штук?* (женский персонаж) – *Мы не штуки, мы штучки*. В мужской реплике установка на ЯИ проявляется в использовании по отношению к референтам-женщинам слова с предметным значением *штук* (с немотивированным женским родом). В ответной женской реплике одновременно обыгрывается, во-первых, семантика грамматического рода диминутивной производной *штучки*, которая в переносном употреблении развивает в своем лексическом значении две семы – лица и женскости (номинация *штучка* используется для обозначения лиц женского пола), так что грамматический род становится семантически мотивированным. И во-вторых, как личное существительное диминутив *штучки*, вопреки своей форме, имеет устойчивое иронично-отрицательное оценочное значение (ср. употреб-

ления: *Ну ты и штучка!*; *Она еще та штучка!*), которое, как известно, является запрещенным для целей автономии (в отношении себя любимого говорящие обычно отрицательной оценки не выражают – в противном случае возникал бы эффект, который в работе [1, с. 238–250] назван иллюкутивным самоубийством), так что в контексте местоимения *мы*, которое сообщает высказыванию положительные оценочные презумпции, отрицательная оценка диминутивной формы *штучки* оказывается нивелированной (о диминутивах как средстве эвфемизации речи см. [8, с. 91–95]).

Изошренность формы при ЯИ направлена на удовлетворение имеющихся у носителей языка эстетических потребностей в использовании языка, что имеет место в первую очередь в повседневной речи и что представляется также вполне естественным в художественном тексте. Повышенная чувствительность к языку, которой обладают поэты и писатели, позволяет строить в пределах одного высказывания множественную ЯИ, идущую в разных направлениях; ср. более широкий контекст игрового поэтического высказывания В. Высоцкого «Про черта (1965)»: *У меня запой от одиночества – / По ночам я слышу голоса. / Слышу вдруг – зовут меня по отчеству, / Глянул – черт. Вот это чудеса! // Черт мне строил рожки и моргал, / А я ему тихонечко сказал: // «Я, брат, коньяком напился вот уж как!.. / Ну ты, наверно, пьешь денатурат. / Слушай, черт, чертяка, чертик, чертушка, / Сядь со мной, я очень буду рад. // Ну неужели, черт возьми, ты трус?! Слезь с плеча, а то переkreишься!»* Помимо ЯИ на синтаксическом уровне, осуществляемой в виде построения однородного градационного ряда, в котором обыгрываются множественность суффиксальных вариантов диминутивных форм, образованных от одной производящей основы, ЯИ в данном фрагменте идет и в другом направлении – за счет столкновения двух языковых выражений: *черт* в прямом номинативном значении в случае вокативного употребления слова (*Слушай, черт...*) и в составе междометного выражения *черт возьми*.

В работе Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой [8, с. 172–214] проводится различие между двумя формами ЯИ – острословием и балагурством. И хотя специального разграничения между этими двумя формами за ограниченностью объема статьи мы не делали, но вполне очевидно, и приведенные примеры это демонстрируют, что для ЯИ диминутивами обе

формы игры возможны, тем более что граница между ними не всегда является четкой.

Подведем итог. Приведенные примеры ЯИ позволяют сделать вывод о том, что диминутивы обладают всей полнотой возможностей ЯИ и широко используются говорящими в разных типах игрового дискурса. В целом же ЯИ привлекает носителей языка тем, что позволяет говорящему сочетать глубину выражаемой мысли с изяществом формы, в которую мысль облечена, и в конечном итоге позволяет удовлетворить имеющиеся у носителей языка эстетические потребности в том числе и при пользовании языком.

Библиографический список

1. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство [Текст] / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985. – С. 238–250.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы [Текст] / В. С. Виноградов. – М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. – С. 198–221.
3. Гридина, Т. А. Языковая игра: Стереотип и творчество [Текст] : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 1996. – 225 с.
4. Захарова, М. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка [Электронный ресурс] // Захарова Мария. – Знамя. – 2006. – № 5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/5/za12.html>
5. Земская, Е. А., Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. Языковая игра [Текст] // Русская разговорная речь. Фонетика : Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – С. 172–214.
6. МАС – Словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981.
7. Менькова, Н. В. Диминутивы как средство эвфемизации речи [Текст] // Человек в информационном пространстве : межвуз. сборник науч. трудов / под общ. ред. Н. В. Аниськиной : в 2-х тт. – Вып. 10. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – Т. 1. – С. 91–95.
8. Менькова, Н. В. Диминутивная форма как способ обозначения пола лица [Текст] // Педагогический вестник. Том 1. (Гуманитарные науки). – Ярославль: Изд-во ЯГПУ. – 2014, № 1. – С. 93–98.

9. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст]. – М., 1999. – № 2. – С. 79–87.

10. Смешная книга: Конюх Федоров и не только [Текст]. – Театр «Квартет И». – М.: Аст, Москва, 2009.

11. Николина, Н. А., Агеева, Е. А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста [Текст] / Н. А. Николина, Е. А. Агеева // Русский язык сегодня. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 551–561.

Bibliograicheskii spisok

1. Vendler, Z. Illokutivnoe samoubiistvo [Tekst] / Z. Vendler // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16. – M., 1985. – S. 238–250.
2. Vinogradov, V. S. Vvedenie v perevodovedenie: obshchie i leksicheskie voprosy [Tekst] / V. S. Vinogradov. – M.: Izdatel'stvo IOSO RAO, 2001. – S. 198–221.
3. Gridina, T. A. Iazykovaia igra: Stereotip i tvorchestvo [Tekst] : monografiia / T. A. Gridina. – Ekaterinburg, 1996. – 225 s.
4. Zakharova, M. Iazykovaia igra kak fakt sovremenogo etapa razvitiia russkogo literaturnogo iazyka [Elektronnyi resurs] // Zakharova Mariia. – Znamia. – 2006. – № 5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/5/za12.html>
5. Zemskaja, E. A., Kitaigorodskaja, M. V., Rozanova, N. N. Iazykovaia igra [Tekst] // Russkaia razgovornaia rech'. Fonetika : Morfologija. Leksika. Zhest. – M.: Nauka, 1983. – S. 172–214.
6. MAS – Slovar' russkogo iazyka [Tekst] : v 4-kh t. / AN SSR, In-t rus. iaz.; pod red. A. P. Evgen'evoi. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Russkii iazyk, 1981.
7. Men'kova, N. V. Diminutivy kak sredstvo evfemizatsii rechi [Tekst] // Chelovek v informatsionnom prostranstve : mezhvuz. sbornik nauch. trudov / pod obshch. red. N. V. Anis'kinoi : v 2-kh tt. – Vyp. 10. – Iaroslavl': Izd-vo IaGPU, 2011. – T. 1. – S. 91–95.
8. Men'kova, N. V. Diminutivnaia forma kak sposob oboznacheniiia pola litsa [Tekst] // Pedagogicheskii vestnik. Tom 1. (Gumanitarnye nauki). – Iaroslavl': Izd-vo IaGPU. – 2014, № 1. – S. 93–98.
9. Sannikov, V. Z. Russkii iazyk v zerkale iazykovoi igry [Tekst]. – M., 1999. – № 2. – S. 79–87.
10. Smeshnaia kniga: Koniukh Fedorov i ne tol'ko [Tekst]. – Teatr «Kvartet I». – M.: Ast, Moskva, 2009.
11. Nikolina, N. A., Ageeva, E. A. Iazykovaia igra v strukture sovremennogo prozaicheskogo teksta [Tekst] / N. A. Nikolina, E. A. Ageeva // Russkii iazyk segodnia. – M.: Azbukovnik, 2000. – S. 551–561.